

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В. В. Козловский

УТРАТЫ И ОБРЕТЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ

1. Конструктивизм, мультипарадигмальность и институционализация: превращение социологии в бюрократическую систему.

2. Понятийно-метафорический цикл социологического дискурса: локальное и глобальное.

3. Национальные школы и мировое развитие: параллельное существование.

4. Социальное развитие и антропологические основания социологии: возврат к субъекту.

Тема, затронутая в названии, содержит нескончаемый реестр успехов и неудач социологии, а соответственно, связанных с ними разных школ, направлений и отдельных исследователей. Баланс едва ли когда-нибудь будет подведен окончательно. Однако в конце века всегда подводятся итоги. В социологии, как в никакой другой области знания, приходится констатировать, что возникшие почти полтора столетия назад чаяния и надежды на исправление с ее помощью общественных нравов, устранение социальных болезней, решение растущих социальных проблем оправдались в слишком малой степени. Эмпирически обоснованное социальное проектирование нередко оказывалось лишь способом приспособления к изменяющейся экономической и политической реальности. Иными словами, даже критически настроенное социологическое общество практически содействовало лишь смягчению социальных издержек ускоренного индустриального развития в XIX-XX веках. Пафос справедливости и солидарности стимулировал наряду с социальной критикой и социальный конструктивизм, ставший столь популярным в силу своих проективных обещаний усовершенствовать общество. Ведь любого рода социальный проект зиждется на лучших побуждениях, стремлении поднять жизненный стандарт большинства членов общества, разрешить коллизии и предложить рациональную структуру социального порядка.

1. Конструктивизм, мультипарадигмальность и институционализация: превращение социологии в бюрократическую систему

Социальное конструирование реальности [1], несомненно, относится, прежде всего, к самой социологии. Изначальное стремление служить общему благу и благу человеческой личности сохранилось и поныне. Однако социологи в двадцатом столетии столкнулись с новой рационально сконструированной реальностью, точнее, практическим воплощением научных (часто идеологических) концептов в экономических, политических, социальных структурах, в повседневной культуре и поведении. Не случайно большинство социологов предпо-

читает ныне занять позицию наблюдателя, и отказывается активно включиться в ход политических и социальных преобразований. Пример тому исследования Никласа Луманна, довольно популярные в современной Германии и за ее пределами системно-теоретические изыскания [2]. Это такие же системные построения, что и у его предшественников, но в меньшей степени претендующие на непосредственное вторжение в социальную реальность.

Дискуссия по поводу разных подходов в социологии идет довольно давно.¹ Попытки сравнительного анализа резко уменьшились после знаменитого спора о позитивизме в 60-е годы. По всей видимости, это обсуждение постепенно стихло в силу отсутствия практических результатов. Что за резон спорить, если стороны остаются при своем мнении и ситуация по существу не меняется. Нет никаких шансов для появления какой-либо новой продуктивной синтетической теории, поскольку объединить плюсы и отбросить минусы существующих концептов не удавалось до сих никому и, вероятно, в ближайшее время это едва ли произойдет. Несмотря на периодически обостряющийся кризис в социальных науках, есть все условия для взрыва новых идей в сфере междисциплинарных изысканий и возникновения новой парадигмы в социологии.

Между тем, размытость границ теоретического поля в настоящее время обнаруживается в разноречивых следствиях. Во-первых, констатируется мультипарадигмальное состояние и, во-вторых, возрастает роль организационных институциональных форм в социологической науке, благодаря которым обеспечивается достаточно длительное существование сформированных на базе различных парадигм школ и направлений. Парадигму определяют как набор убеждений, ценностей и техник, разделяемых членами данного научного сообщества. Мультипарадигмальность характеризует одновременно равноправность и дополнительность множества социологических концепций. Взаимная критика различных концептов при этом зачастую просто отсутствует в силу различий проблематики или сектора наблюдения, а также из-за противоположности методологических принципов. Научные результаты становятся практически несоизмеримыми. Акцентуация математически выверенного и эмпирически обоснованного знания частично решает задачу получения достоверных сведений. В любом случае остается место для содержательной интерпретации, которая покоится уже на соответствующем теоретическом базисе. Свобода интерпретации обеспечивается как методологическими установками, так и правилами сообщества, к которому принадлежит исследователь.

Мультипарадигмальное состояние социологии отражает общую ситуацию взаимодействия и смены парадигм в науке, описанную Томасом Куном [4]. Конечно, в естественных науках все выглядит, кажется, иначе, чем в социальных науках, но имеется много общего. Познавательный и нормативный смысл парадигм в социологии так же, как и в других отраслях науки, определяет поведение социологов, желающих с их помощью решить текущие задачи. Поэтому, видимо, нынешний период концептуального хаоса действительно предвещает научную революцию в социологии. Радикальный взгляд на проблему совместимости парадигм выражен в работе С. Грофа «За пределами мозга». По

¹ В частности, в немецкой литературе эта тема получила освещение в книге «Сравнение теорий в социальных науках» [3].

его мнению, устоявшиеся парадигмы, являясь поначалу мощным катализатором научного роста, становятся затем помехой изобретению новых идей. Он склоняется к так называемому «шнурочному» подходу Джеффри Чу [5, с. 74], в котором все теории естественных явлений считаются созданными человеческим разумом. Эти концептуальные схемы представляют собой более или менее адекватные приближения, которые ни в коей мере нельзя смешивать с точными описаниями реальности или с самой реальностью. Парадигмы он предлагает рассматривать как модели, а не как окончательные описания реальности [5, с. 29]. Любая парадигма в ходе своего осуществления варьируется научным сообществом, но вместе с тем закрепляется нормативно и организационно.

Институционализация локального научного сообщества в качестве исследовательской лаборатории, института, учебного учреждения гарантирует возможность исповедовать собственную «философию», методiku, придерживаться самостоятельно выработанных критериев научности. Подобное институциональное процветание, безусловно, способствует размыванию критериев внутринаучного контроля, ослаблению публичной критики. На смену стихийно сложившегося научного этоса, на основе которого социологическое сообщество более или менее обеспечивало надежность выработанных критериев эвристичности, обоснованности получаемого знания, приходит замыкание внутри собственной референтной группы единомышленников. На мой взгляд, социологическое сообщество, несмотря на все объединительные декларации и всевозможные встречи, все же расколото не столько институционально, сколько концептуально. Таким образом, накопленная политеоретичность и полисемантическая социологического дискурса превращается на глазах в семантический анархизм, в котором оказываются допустимыми практически все противоречащие утверждения. Концептуальная полнота и многообразие оборачивается размежеванием на «социологические парцеллы».

По-видимому, ситуация методологической неопределенности и слабой продуктивности имеющихся концепций обусловлена, в первую очередь, кризисом внутринаучных критериев социологического и вообще социального знания. Антиномии социологического познания, в частности, контроверза номинализма и реализма, реализма и конструктивизма периодически становятся предметом обостренного внимания.²

Таким образом, при собственной методологической и эвристической неуверенности, социологи продолжают столь же самонадеянно судить о реалиях общественной жизни, о тенденциях социального развития, давать не только кратко -, но и долгосрочные предсказания. Наличие институциональной базы социологических исследований и социологического образования, конечно, защищает от некомпетентного внешнего вмешательства и, вместе с тем, изначально легитимирует попытки социологов вмешаться в отдельные области или в процесс социальной жизни. Нередко при этом представители социологического сообщества присваивают себе право моральной оценки текущей полити-

² Штефан Вебер в недавно изданной книге "Дуализация познания: о конструктивизме, нейрофилософии и теории средств массовой информации" подвергает серьезному анализу антиномии социологии, в том числе, антиномию реализма и конструктивизма [6].

ки, нравов, человеческих поступков. Социолог судит о реальности на основе первородного права профессии и сконструированной для себя предметной области. Более того, для материального обеспечения социологического сообщества изыскиваются немалые финансовые и технические средства, создаются разного рода организационные структуры. Социология во всех своих составляющих превращается в бюрократическую систему.

Богатство пульсирующей социальной мысли трансформировалось в организацию профессионального изучения и проектирования социальной реальности со своим аппаратом, образовательной системой, сферой практики. Фигура обучающего, поучающего, изучающего и практикующего социолога стала фигурой массовой профессии. Появились новые ветви социологической профессии: имиджмейкер, консультант по связям с общественностью, социальный маркетолог, специалист по опросам общественного мнения и т. д. Все они вырастают на массиве разросшихся социологических знаний, исследовательской и манипулятивной техники. Социальный заказ на результаты социологического труда приобрел совершенно новые очертания. Прежние попытки анонимно говорить от имени страждущих социальных групп сохранились, но сформировалась особая практика взаимного обслуживания социологов, общественности, политической и экономической власти. При этом социологи предпочитают свои наблюдения выдавать за научно обоснованные предостережения и советы за или против власть предержащих. Если мы вспомним о социологической публицистике времен перестройки, то всем памятна серия «Перестройка: гласность, демократия, социализм», инициированная видными публицистами, писателями, известными социологами, где они утверждали: «Иного не дано» [7], и требовали перемен: «В человеческом измерении» [8]. В период российских реформ 90-х годов социологи уже ставят вопрос иначе: «Куда идет Россия?» [9, 10]. Конечно, сумеет привлечь внимание власти и общественности не просто. Но всегда остается вопрос, насколько социологи вправе заставлять себя слушать и тем самым соучаствовать в принятии решений. Не является ли их задачей информирование о происходящем и помощь в коррекции линии поведения участников политического поля?

Служебная функция социолога — быть на виду у общества и власти, чтобы оправдать свое профессиональное назначение. Фигура социолога означает наличие в обществе потребности самопознания. Другое дело, что надобность в подобной службе превращается в желание социологов пророчествовать, учить и поучать. Ясно, что эта интеллектуальная и профессиональная претензия требует достаточных оснований. Иными словами, общественная легитимация любой современной социологической концепции и, соответственно, ее выразителей имеет характер финансовой, материальной и политической поддержки. История легитимации социологии в разных странах чрезвычайно поучительна с точки зрения ее подлинного включения в процесс общественного самопознания и регулирования.

Социальные проекты, рожденные в недрах социологии или инициированные социологами, бесспорно, служат лучшим свидетельством ее сверхпретенциозности. Взять хотя бы известную позитивистскую претензию социологии описать и предписать справедливый социальный порядок и модель прогрессивного общества. Многие социалистические проекты опирались на социоло-

логические выводы. Известно, во что вылилось ожидание от социологической доктрины не только верного с позиции социальных низов понимания общественного устройства, но и задать правильную модель жизни, что характерно не только для марксистской традиции. Не важно, что при этом резко вырастают социальные и индивидуальные издержки, ведь гораздо более значимо предполагаемое процветание в будущем облагодетельствованного человечества. Негативные последствия каждого большого социального эксперимента остаются, как правило, в тени зримых плодов науки и прогресса. Предметная направленность социологических устремлений может быть разной, нацеленной на стабилизацию структур общества, либо на их преобразование и даже разрушение. Именно этот практический пафос оправдывает как возникновение, так и дальнейшее существование социологии и социологов. Здесь же скрыта большая проблема — ответственность социолога за результаты своих исследований и разработок. Поскольку практическая ориентированность нередко превращается в манипуляцию обществом, общественным мнением от имени социальных наук, гражданское общество, видимо, приобретает определенный иммунитет против социального прожектерства. В то же время разные социальные группы, элиты, органы управления, безусловно, нуждаются в более или менее объективном обосновании своего положения и своих действий. Отсюда и проистекает остающийся неудовлетворенным социальный запрос на социологическое изучение и понимание современного общества. Позитивным результатом можно считать сформированный в обществе запрос на социологию, но отрицательная сторона этого феномена состоит в произвольном истолковании социальных ожиданий социологами.

Бюрократизация социологии как науки, социологического образования, целой индустрии социологических и квазисоциологических продуктов позволяет говорить о растущей власти менеджера, чиновника в социологии. Ученый и менеджер уже не в состоянии уравновесить свои сферы влияния. Совмещение разных функций возможно лишь в организации, но организация обрекает творчество на жесткое следование принципам доминирующей парадигмы, институциональным критериям эффективности.

Рутинная повседневная, на глазах протекающей истории поглощает прошлые достижения, оставляя нас один на один с новыми локальными и глобальными проблемами, требующими адекватного языка. Социология за краткую свою историю пережила немало состояний восторженного преклонения и унижения. Конечно, наряду с чисто научными целями появилось множество привходящих моментов. Например, социология в качестве самостоятельного социального института стала местом кормления, профессионального и социального продвижения ученых, апеллирующих к необходимости изучения каких-либо общественно важных вопросов ради стабилизации или реформирования общества, или выработки рекомендаций для структур власти. Нельзя сказать, что социология превратилась в служанку, но совершенно очевидно ее утилитарное применение в корыстных групповых интересах. Это одно из структурных следствий институционального развития социологии. Оно компенсируется возможностью мобилизации интеллектуальных, финансовых и материальных средств для решения исследовательских, политических, маркетинговых, инженерных задач. Современное общество вынуждено инвестировать в социологию, чтобы

избежать непредвиденных потерь вследствие конфликтов, столкновений. При этом нередко научная объективность приносится в жертву политическим пристрастиям и материальной зависимости представителей социологии. Независимость поддерживается различными фондами, грантодателями, спонсорами, которые в свою очередь обречены на случайный выбор и систему круговой поруки.

Итак, социология в своем зрелом состоянии приобрела надежный статус и общественное признание, облеклась в строгие организационные формы, но утратила при этом творческую наивность в своей способности, решать ключевые общественные проблемы и мало-помалу устремилась в игру с разными социологическими дискурсами. На смену утраченному энциклопедизму пришла специализация, или точнее, локализация исследовательских и практических интересов социологов.

2. Понятийно-метафорический цикл социологического дискурса: локальное и глобальное

Автономизация и даже замкнутость социологических представлений в рамках выдвигаемых учеными концепций стала атрибутом нынешнего научного мира. Социологический дискурс определяется, казалось бы, замыслом поиска истины, но по существу он зиждется на мотиве поиска образа наблюдаемой реальности. Язык уже наработанных концепций все время оказывается недостаточным, поскольку происходящее постоянно уходит из сферы объяснения наличным понятийным аппаратом. Расплывающаяся социальная действительность приводит в тупик объяснительные и предсказательные процедуры любой известной сегодня теории.

Такая ситуация возникает лишь в условиях кризиса науки, кризиса ее дискурса, который все в меньшей мере способен изобразить новые социальные процессы, многоцветную палитру социальных и культурных взаимодействий. Социология, как уже сказано, неизбежно запаздывает и всегда лишь «догоняет» реальность созданием описательного, а тем самым, конструктивного и проективного словаря социального рельефа, характерного для конкретных обществ. Когда назревает потребность привести имеющийся социологический дискурс под некий общий знаменатель для глобального образа человеческой истории, то столкновение социологических парадигм ведет не к позитивному синтезу, а скорее рождает негативный синтез. Отвергаются неприемлемые постулаты и описания, а принятые положения рассогласуются между собой. Скажем, феноменологическая концептуализация с трудом увязывается с функционалистским объяснением. Иными словами, противоположные дискурсы порождают конфронтацию, но не дополняют друг друга. Понятийный аппарат «своей» концепции выдается за подлинный, а дискурс «чужой» доктрины в рамках соперничества подвергается критике, выставляется как метафорический, маскирующий реальность. Истина и правда социологического дискурса Содержится, согласно такому подходу, в какой-либо одной концепции. Признание правомерными всех или основных концепций (и соответственно их дискурса) приводит к накоплению разноречивых выводов по одной и той же проблеме и ослабляет эвристичность каждой из них. Налицо противоречие современного

социологического знания, которое не разрешается простым принятием симпатичных концепций, поскольку оно сводится к апологетике отдельного социологического дискурса, т. е. к «парцеллярному» социологическому мышлению.

Равноценность разных стилей социологического дискурса признается сегодня многими. Между тем стилевое разнообразие не совпадает с типами социологического мышления. Социологический тезаурус растет, понятийный же ряд наращивается гораздо медленнее. Напор социологических метафор, многочисленных аналогий в научной литературе и публицистике обусловлен задачей емко и образно выразить реально наблюдаемый предмет (факт). Например, метафоры «социальное тело», «социальное здоровье», «общество риска», «социальное планирование», «общество модерна или постмодерна», «постсоветское общество» и ряд других требуют такого многословного понятийного растолкования, что содержательная сторона данных обозначений заслоняет первоначальный замысел образно определить предмет. Разъяснение метафоры средствами социологического описания создает видимость постановки (и раскрытия) серьезной проблемы и псевдоландшафт социологического поля. Гамма новых образов освежает взгляд на привычные реальности, придает блеск и глубину изобретенным социальными учеными дефинициям. Но эти приобретения скорее вуалируют действительность, чем открывают. Парадокс современного социологического мышления заключается в неискоренимости метафоры в объяснении социальной реальности, ибо всякое наблюдение требует адекватных форм описания, истолкования и понимания. Поэтому подвергая критике этот тип мышления, я отдаю себе отчет в том, что без понятий, полных метафорических гибких содержаний, невозможно вообще обрисовать наблюдаемые явления или вникнуть в суть поставленной проблемы.

Собственно, в этом и состоит предназначение подобного рода понятийно-метафорического ряда: сконструировать, вымыслить, сочинить структуры речи в качестве социокультурных реалий. Появляется новая сфера приложения социологического ума — обращение с вымышленными предметами как с реальными существами. Мир социологического воображения воссоздает и дополняет действительность своими химерами, некоторые из них оказываются чрезвычайно живучими, поскольку прославляют своих создателей и приверженцев. Покоряющая сила социологического обмана зрения заключается в подлинности взятых в чистом виде отдельных признаков какого-либо состояния общества, ситуации и типологического своеобразия современности. Суггестивная способность социологических образов освобождает от необходимости понятийно-концептуальной расшифровки. Кроме того, действует сила моды.

Основанием двойственности (амбивалентности) социологического мышления является изначальное раздвоение предметного содержания на персональное и социальное, а также разделение на два состояния: идеальное и реальное. Идеальное сводимо к создаваемым социологическим понятиям и концепциям, а реальное — к практикуемым образцам и способам социального действия. Смещение идеальных конструктов с реальным поведением служит почвой для постоянных аберраций, т. е. поступки, оценки и мнения людей выдаются за устойчивые социальные факты в духе Э. Дюркгейма. Сами социальные факты концептуализируются и формализуются. Реальная практика достижения конвенции в процессе межиндивидуального взаимодействия происходит на осно-

ве совмещения индивидуальных и групповых смыслов. Формальные и смысловые процедуры общения приобретают самостоятельное значение, социальную значимость и, соответственно, характер социальной ценности. Эвристическая сила социологических генерализаций на базе ценностных суждений оказывается большей, чем продуктивность выводов на основе простых констатаций. Между тем, ценностные суждения в социологии всегда подвергались отрицанию в качестве субъективных и ложных. Опыт российской дореволюционной социологии наглядно говорит об остром соперничестве между субъективной школой и объективистским подходом. В целом доминировал так называемый объективистский подход, опиравшийся на сходство социального знания с естественнонаучным. Иными словами, господствовал натурцентризм. Эволюция социологии показала достоинства культурцентризма, социоцентризма и антропоцентризма. В зависимости от основного методологического постулата выстраивается и ядро социологической концепции, которая может быть ориентирована на объяснение так называемых социальных закономерностей в объективистской натур- и социоцентристской парадигме, либо же на феноменологическую интерпретацию субъективных смыслов индивида и общности. Поэтому концептуальное разнообразие имеет собственные мировоззренческие и логические основания. Этот разброс не позволяет объективно оценить силу и слабость социологической теории, но дает возможность измерить охватываемый ею горизонт.

При наличии надежного номотетического метода главной задачей и раньше, и теперь остается определение характера происходящего в разных культурах и обществах, а также формулировка своего отношения к перспективам трансформации и развития собственного общества. Это было свойственно и российской дореволюционной социологии. По существу это — проблема самообоснования применяемой социологической теории. Фундаментальный характер ее состоит в том, что позиция социолога сознательно или бессознательно покоится не только на философско-методологических принципах научного познания, но и на ценностном основании, т. е. вненаучно заданных ценностных суждениях и установках. Амбивалентность социологического видения и социологической концептуализации обнаруживает себя в самых разнообразных формах, о которых следует говорить отдельно. В данном тексте освещается лишь следствие методологической амбивалентности в социологии, которое заключается в релятивизации получаемого так называемого объективного социального знания в зависимости от выбранных методологических принципов.

Методологические предпочтения равно важны и для добывания достоверных интересубъективных данных, и для ценностного самоопределения, ибо они взаимообусловлены. Методологический ландшафт предвещает ситуацию социологического выбора предмета (тематике) исследования, языка изображения реальности и характер выдвигаемого проекта изменения (модернизации) российского общества. Нельзя заранее сказать, как конкретно сложится академическое поле социологии, но можно вполне достоверно предвидеть методологические следствия и ценностные суждения исповедуемой доктрины. Методологические расхождения принципиально двойки: либо методологический индивидуализм, либо социоцентризм. Иными словами, монадология или холизм, то же самое, по определению П. Б. Струве — сингуляризм или универса-

лизм [11]. Выбор методологии задает предметную концептуализацию, исследовательскую интенцию, инструментарий и контуры будущих результатов.

Методологический индивидуализм направлен на прояснение перспектив общества с точки зрения действия отдельного деятеля (индивида), в то время как холизм (например, структурный функционализм) рассматривает социальную жизнь со стороны институтов (структурирующих общество функций). Эта антиномия в течение многих лет провоцирует противоположные ответы на перспективы развития общества. Ситуация в нынешнем российском обществе в этом смысле мало чем отличается от положения в других индустриальных или постиндустриальных странах. Вопрос открыт: с позиции методологического индивидуализма в России идет нормальный процесс раскрепощения персональной активности и создания для нее соответствующих благоприятных условий. В рамках институционализма (функционализма) речь идет о поддержании и стабилизации социальной системы. Иными словами, методологический индивидуализм имплицитно включает анализ вытекающих из индивидуальной активности векторов изменения, а структурализм склонен к описанию процессов равновесия и устойчивости общества. Безобидное, казалось бы, расхождение ведет, тем не менее, к серьезным финальным результатам, разделяющим социологов на почти непримиримые, ищущие доминирования в академическом и политическом поле команды.

Современное состояние общего и частного социологического знания вызывает чувство растерянности. Социологический дискурс в XX веке претерпел небывалые метаморфозы. Особенно преуспело в этом отношении направление социологии постмодернизма. Социология постмодернизма при всем ее стремлении быть всеохватывающей, всеподавляющей преодолевается новым содержанием пост-постмодернистской социальной теории [12, 13]. Двойное отрицание модернизма отнюдь не означает его новейшего утверждения. Скорее речь идет о преодолении, смущающем душу социолога концептуальном отчаянии, означающем утрату теоретического фундамента и замену его конвенцией о правомерности применения любой симпатичной социологу доктрины. Подобная интеллектуальная восприимчивость любых теорий не освобождает, тем не менее, от необходимости оценить исследовательские подходы с позиции соответствия предмету изучаемой реальности. Здесь скрыт камень преткновения. Считать ли любой выдвигаемый концепт, будь то структурный функционализм, структурализм, постструктурализм, постмодернизм, феноменология и т. д., достаточной объяснительной и понимающей конструкцией, или полагать, что они являются лишь локальным изображением (образом), порожденным очередной фантазией интеллектуала от социального знания? Эту дилемму можно запросто отвергнуть из-за ее якобы ложной постановки и бессодержательности. Но тогда приходится признать бесплодность вообще любой попытки строить социологические обобщения, объяснять и тем более понимать что-либо в социокультурном процессе свершающейся человеческой истории на любой территории. На такое может решиться, пожалуй, лишь полный скептик и нигилист. Эта позиция заводит в тупик.

На сегодняшний день выход из создавшегося положения видится в признании правомерности каждой из доктрин в рамках своей предметной области, допустимости присущего ей социологического дискурса при соблюдении пра-

ва на самостоятельное существование других концептов и других дискурсов [14].

3. Национальные школы и мировое развитие: параллельное существование

Создание точного портрета современной социологии — это задача масштабной историко-социологической рефлексии. Но один аспект чрезвычайно любопытен: как сопрягаются и взаимодействуют между собой национальные школы в русле общего развития социологии.

Будем исходить из того, что национальные школы все-таки существуют. Можно непосредственно указать американскую, французскую, немецкую, английскую, польскую и другие в качестве национальных социологических сообществ. Речь не идет об используемом в социологии национальном языке, хотя это, безусловно, важный показатель существования национальной социологии. В данном случае важно подчеркнуть наличие признанных в каждой стране своих авторов и их социологических концепций, которые также известны, признаны и используются за рубежом.

Достаточно заглянуть в учебники по истории социологии и в сводки по современной социологической теории, как становится ясным, что считается достижением современной мировой социологии. Сложился некий молчаливо признаваемый список имен и концепций, начинающийся с предклассиков и классиков: О. Конт, О. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин — и заканчивающийся нашими современниками: Д. Кулеман, Ю. Хабермас, Д. Александер, Н. Луман, Э. Гидденс, П. Бурдьё, А. Турен и др. Почетный каталог заполняется в зависимости от вкусов аналитика. Но помимо образовательного стандарта есть реальное взаимодействие современных социологических направлений в различных регионах мира. Читают ли социологи разных стран труды друг друга? Хорошо известно доминирующее положение англоязычной социологической литературы. Можно даже говорить о ее заведомом приоритете. Но, с другой стороны, все заметнее становятся тенденции самостоятельного, несколько автаркичного развития различных национальных социологий. Проводятся конференции национальных социологических ассоциаций. Кроме того, например, ассоциация франкоговорящих социологов регулярно проводит свои конференции и конгрессы. Впервые проведут свой конгресс осенью 1998 г. немецкоговорящие социологи из Германии, Австрии, Швейцарии. Означает ли это размежевание по языковому признаку, или это только региональное сближение социологов? Любопытно также, насколько высок у социологов разноговорящих регионов интерес к социологической литературе друг друга. Внутренние национальные проблемы актуальны, прежде всего, для социологов своей страны, и в меньшей мере для зарубежных социологов. Глобальные проблемы время от времени оттесняют локальные задачи. Однако без решения этих задач социологи явно были бы не у дел в своей стране. Поэтому усилия местного социологического сообщества сводятся, так или иначе, к прояснению ситуации на своей территории, в своей культуре.

То же самое приложимо к истории и современному состоянию социологии в России. Несмотря на горькие перипетии судьбы отечественной социологии, безусловно, был и остается шанс преуспеть на ниве социальных исследований,

социальной рефлексии, критики и конструирования. Если при этом сохранять трезвый взгляд на сделанное и предстоящее, возникает законный вопрос о способности социологов действительно помочь обществу, а не только употреблять красивые образы, термины и теории. Многообразие последних свидетельствует как о плодovitости социологического ума, так и о слабой укоренности в социальной реальности. Игра социологического разума оказывается столь же необузданной, сколь и малопродуктивной, несмотря на реализацию некоторых проектов, нацеленных на эмпирическое описание изменений в экономике, системе групповых и индивидуальных ценностей.

Институционализация обеспечила социологии общественное признание и профессиональное утверждение, но одновременно ведет к консервации определенных направлений в лице сплоченных профессиональных групп исследователей и преподавателей в различных отраслях социальных наук — как внутри национального сообщества, так и за его пределами. Цеховая организация в социологии, при всей ее открытости, уже давно является фактом. Разделение на так называемые национальные и внутринациональные школы говорит о позитивном расширении поля социологии, но также и о том, что подобная автономия обособляет и даже изолирует социологов. Конечно, это не что иное, как борьба за лидерство в научном мире, борьба за самосохранение, за престиж. За скобками соперничества и выживания остается большая толика реальных общественных проблем, требующих вмешательства социологов, но остающихся без их внимания, поскольку складывающиеся традиции и кодекс поведения ориентированы чаще всего на свой круг единомышленников, а не на обнаружение объективной картины, не на поиск средств решения 'зловонных социальных проблем и проработку социальных стратегий.

Социология в России начиналась примерно так же, как и в других европейских странах. Сходными были цели и задачи, надежды и разочарования, поиски концептуальных схем и эмпирических описаний социальной реальности. Русские социологи были открыты для новых идей. Они тесно общались с европейскими, в особенности французскими коллегами. Немало русских социологов жили и творили в эмиграции в Европе. Например, Евгений Де-Роберти, Григорий Вырубов, Яков Новиков, Максим Ковалевский и другие опубликовали более 300 работ по-французски. Имеется также несколько десятков публикаций по-немецки. О дореволюционной российской социологии в 1915 г. была издана первая крупная сводная работа Д. Геккера. Помимо того, что в России активно читали иностранных социологов на их родных языках, что видно по обсуждению в российских журналах и книгах, зарубежная социология была довольно широко представлена в переводах [15]. В советский период, начиная со второй половины 20-х годов, социология как наука и как область образования подверглась резекции. Можно сказать, что до 60-х годов в социологии не было необходимости, хотя в обществе накапливались крупные и малые проблемы, требующие глубокого критического осмысления. В дальнейшем были открыты научно-исследовательские учреждения, лаборатории, институты. С 1984 г. были открыты отделения прикладной социологии в Московском и Ленинградском университетах, а с 1989 г. — факультеты социологии в ряде университетов. Общество в лице политической власти признало потребность в социальном критическом объяснении своих реалий. Однако материальных и

профессиональных ресурсов для становления новой социальной науки явно не доставало. С наступлением этапа радикальных экономических и политических перемен в 90-х годах ситуация еще более обострилась. Значительное число молодых специалистов ринулось в более выгодные области деятельности — торговую и финансовую сферы, предпринимательство, так как в науке и образовании работать стало невыгодно по чисто материальным соображениям.

В этих условиях поддержка со стороны Европейского сообщества оказалась действительно не просто материальной помощью малообеспечиваемой сфере образования России, в частности, в области социологии, но стала целой сетью научного, культурного, учебного обмена и обеспечила новое поле научных исследований. Более того, различного рода российские и иностранные фонды и программы, например, Темпус (Тасис) программа, создали совершенно новую основу межличностных контактов и гуманитарного сотрудничества.

Каждая эпоха требует своей концептуализации. Хронотоп общества требует своего социального образа, теоретически внятного представления о себе самом, в которых социальная ситуация могла бы быть адекватно воспроизведена во всех фрагментах. Это постоянная задача социологии. Ее многомерное наблюдающее око, накопленный ею интерпретативный потенциал являются мощным инструментом более или менее объективного изображения изменяющейся российской действительности и ситуации человека в ходе перемен, объяснения сложного переплетения национального и мирового событийного ряда. Кризисное состояние, разлом российского общества и его трансформация дают богатую пищу для социологических изысканий и одновременно для интеллектуального оправдания собственного существования. Социология используется прагматически, но в своих плодах она порождает новую смысловую реальность. Отсюда и вытекает социальная ответственность растущего класса ученых и преподавателей на ниве социологии.

Таким образом, накопленное в мировой социологии богатство социологического знания не устраняет задачи углубленного и пристрастного изучения своего социума и культуры, а, напротив, обеспечивает его успешное осуществление. Точно так же, на мой взгляд, обстоит дело с другими национальными социологическими школами. Конечно, социологическое сообщество самоорганизуется для решения этой задачи из чисто профессиональных побуждений, но очевидно, что при сложившейся институционализации социологии необходимы дополнительные усилия для мобилизации ресурсов в больших внутринациональных и международных исследовательских проектах.

4. Социальное развитие и антропологические основания социологии: возврат к субъекту

Насущной темой социологии всегда была проблема совпадения и расхождения индивида и социального мира. Как только мы говорим о развитии социума, мы сразу же в силу перманентной изменчивости утрачиваем возможность схватить текучесть происходящего и вынуждены произвольно структурировать реальность, то есть онтологизировать социальный мир, остановить его мимолетную процессуальность. Но при этом наши представления непременно выдаются за саму реальность. Избежать подобного искушения непросто, да

порой и невозможно. Полагаю, данное замечание предостережет меня от попытки выдать свои представления за реальный процесс развития и, в то же время, позволит дать образ социального развития с социологической точки зрения, то есть образ саморефлектирующей концепции социального развития.

Социальное развитие предстает с двух сторон: со стороны социальных конвенций и со стороны социальных конфликтов. Этот подход может быть назван поэтому конфликтно-конвенциональной теорией социального развития. Совершенно не очевидно, можно ли называть социальным развитием любое структурное изменение общества, охватывающее общество в целом, группы и индивидов, например, новые хозяйственные формы и способы деятельности, территориальное перераспределение населения, смену политической структуры. Под социальным развитием я понимаю либо изменение (нарушение) социального (общественного) договора, либо поддержание социальной конвенции в пользу какой-либо группы или каких-либо групп и, соответственно, им принадлежащих индивидов. Подобное изменение может происходить в силу различных обстоятельств, зависящих от расклада социальных сил и от реального положения индивида в данном обществе. Иными словами, социологическое восприятие социального развития складывается из наблюдения множества социальных структур и представлений о природе современного ей человека, т. е. социологического образа человека.

Все это порождает вполне определенное изменение сложившегося в обществе явного или скрытого социального контракта. Социальный контракт, несомненно, всегда имеет легитимность или подлежит легитимации в рамках существующих политико-правовых структур. Именно это обстоятельство заставляет господствующие (доминирующие) слои постоянно искать надежные основания и правила легитимации своего представления о социальном контракте, лежащем в основе существующего социального порядка. В социальном контракте зафиксированы интересы различных групп, их влияние, результативность их активности, их вклад, распределение ресурсов и благ.

Различие между вкладом (затрачиваемыми материальными и интеллектуальными ресурсами) и результатом (получаемые блага, престиж, власть, влияние) и будет составлять величину справедливости социального контракта. Это различие определяет меру возможного изменения социального договора путем компромисса, протеста, насилия, борьбы. Социальное развитие сводимо, таким образом, к калькуляции (общественного вклада, общих средств и индивидуально-группового выигрыша) и составлению нового социального договора или конвенции. Социальное развитие включает в себя любое общественное изменение и направлено на:

а) сохранение стандартов и устоев сложившегося социально-экономического и политического порядка, связанное с трансформацией ценностных оснований, правил, принципов, норм, а именно сменой ядра этой нормативно-ценностной системы как на властном, так и на неполитическом, повседневном уровне;

б) реставрацию предыдущего социального порядка и политической структуры;

в) обновление (модернизацию) существующего социального порядка, экономической и политической структуры;

г) радикальную смену, слом социально-экономического и политического порядка и замену его новыми структурами и соответственно новыми социальными группами.

Оно осуществляется в ходе изменяющихся социальных, политических, культурных практик в любой области деятельности (хозяйство, образование, право и т. д.). Это означает смену социального и культурного кода, изменение в системе обладания символическим и культурным капиталом. Социальное развитие предстает в качестве иерархически выстроенных полей: социального, экономического, политического, культурного, — в рамках которых разворачивается соперничество агентов или носителей доминирующих и доминируемых практик.

Социальное развитие, поскольку оно ориентировано на удовлетворение нужд индивида, измеряется стандартом жизни, ее уровнем и качеством. Разработанная в социологии система индикаторов вполне достаточна для получения картины социального положения по критерию удовлетворения основных потребностей социальных слоев как в одной стране, так и в разных странах. Эти показатели объективно демонстрируют социальные различия и характеризуют степень материального благосостояния и благополучия общества. В этом случае социальное развитие предстает как система развитых в обществе потребностей и степень их удовлетворения у разных социальных групп.

Социальное развитие означает наличие в обществе социальной динамики, то есть социальной мобильности и процесса социальной дифференциации. Этот сегмент социального развития измеряется степенью интенсивности вертикальной и горизонтальной, поколенческой и структурной мобильности. Социальная динамика показывает фиксируемые по разным параметрам реальные структурные социальные различия. Социальное развитие характеризуется наличием и интенсивностью социальных конфликтов, в которые может включаться, несомненно, и так называемая классовая борьба, поскольку она выражает точно так же, как любой конфликт, конкуренцию социальных групп за распределение жизненно важных условий и ресурсов жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Конфликтность выражает, с одной стороны, состояние кризиса (т. е. фиксирует степень устарелости, упадка и даже деградации существующих общественных форм), а с другой — проявляет потенциал развития данного общества в сотрудничестве и соперничестве старых и новых социальных групп.

По своим антропологическим основаниям социальное развитие является ни чем иным, как изменением типа персональности или, иными словами, типологической структуры личности. Следовательно, заслугой социологического наблюдения является личностное или персоналистское измерение социального развития. Попытки такого рода предпринимаются постоянно. В частности, это вариант рассмотрения личности как системы Толкоттом Парсонсом, концепция характерологической структуры личности Вильгельма Райха, концепция социального характера Эриха Фромма, деятельностная концепция личности, разработанная в советской психологии и Жаном Пиаже. В данном аспекте социального развития речь идет о спектре типов личности, об их координации и субординации в социальном пространстве, о доминантных и доминируемых типах персональности и соответствующих формах (способах) социализации, а также о способах поощряемого и осуждаемого поведения. С этой стороны со-

циальное развитие вновь предстает как многообразие персональных (личностных) практик. Социальное развитие включает в себя перемены в типах поведения в столкновении продуктивного и репродуктивного способов жизнедеятельности. Любые отклонения от стабильного социоэкономического и культурного порядка рассматриваются в этом случае как девиации (рост криминальности, алкоголизма, наркомании, проституции). Социальная аномия и социальные деструкции показывают степень отклонений от временного устойчивого состояния, но одновременно эти девиации обнаруживают социальную цену (издержки), либо побочные следствия произошедших структурных общественных изменений. Например, рост преступности объясняет не только утрату прежними нормативными регуляторами своей силы, но, прежде всего, всплеск стихийных узкогрупповых форм регулирования социального положения и удовлетворения собственных корпоративных и индивидуальных интересов. Итак, социальное развитие означает не столько качественное изменение социальных отношений или общественных структур (форм) человеческой деятельности, сколько увязывание и совмещение персональных и групповых габитусов.

По своей направленности (интенциональности) подобного совмещения, т. е. отождествления и различения, социальное развитие представляет собой социальную траекторию конкретного индивида, воплощенную в его биографии, и социальную траекторию какой-либо социальной общности, олицетворенную ее меняющейся социальной позицией, групповой идентификацией и жизненной ситуацией.

Процесс социального развития состоит из параллельно текущих и взаимосвязанных между собой процессов общественного распределения, перераспределения и закрепления ресурсов, привилегий, власти. Собственно здесь и кроется тайна легитимации или отвергания того или иного социального порядка в широком смысле слова. Очевидно, что любой социальный порядок сохраняется при условии его самоизменения с целью эффективного решения возникающих проблем жизнеобеспечения. Социальное развитие конкретного общества гарантирует его выживание и поддержание жизненного стандарта его членов.

Однако самосохранение и повышение жизнеспособности общества требует устойчивого ценностно-нормативного основания, обеспечивающего кооперацию, солидарность, сотрудничество в поддержании общего корпуса принципов государственного, хозяйственного, культурного уклада. Ведь именно благодаря согласию (молчаливому или открытому, добровольному или принудительному признанию) достижима общность фундаментальных ценностей. Говоря кратко, социальное развитие возможно лишь на основе какого-либо базисного социального консенсуса, комплекса конвенций или социального договора (контракта). Поэтому по своей структуре социальное развитие представляет собой противоречивое соединение социального контракта и конфликта. Конфликт толкает организованные общности к реализации своих интересов, но достижение их осуществляется лишь на базе социального контракта. В противном случае невозможно достичь интересов в задуманном объеме. Ведь все процедуры так называемого экономического и, соответственно, юридически оформленного присвоения, обмена, обращения, распределения, владения, пользования, производства возможны при соблюдении правил установленного

порядка, то есть при наличии легитимного социального контракта, санкционированного и принудительно обеспечиваемого обществом. Производить что-либо, делать услуги нельзя без уверенности в возмещении собственных усилий, хотя бы ради поддержания заданного культурой и обществом жизненного стандарта.

Дело не сводится к набору благ, так называемых потребительных стоимостей, необходимых для привычного устоявшегося уклада жизни, не только к воспроизводству и изменению этого набора, и, таким образом, общественных отношений, с ними связанных. Речь идет о возобновлении и обновлении условий и принципов, при которых и на основе которых индивиды и группы включаются в социальный обмен (или общение), то есть в процесс исполнения и коррекции социального контракта.

Утраченный социологией человек всегда возвращается в виде новых образов, в виде разветвлений наук в психологии, социальной психологии, в социальной и культурной антропологии. Но и в социологии, несмотря на все увлечения большими социальными структурами, всегда оставалось место для личности. Обретение антропологической перспективы в структуре социологической теории, несомненно, послужит на пользу социологии в целом.

Перечень достижений не является неким памятником нетленных социологических идей, как и перечень утрат не составляет мартиролаг заблуждений. По-видимому, социология как наука энергично приспосабливается к быстро меняющейся социальной реальности, в то же время формирует ее согласно создаваемым социологами моделям. Я хотел только поставить проблему самооценки социологии и попытаться наметить контуры ее объяснения и истолкования.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
2. Luhmann N. Soziologische Beobachtung. Band 1-5. 1989–1995.
3. Theorienvergleich in den Sozialwissenschaften / Hrsg. Karl Otto Hondrich und Joachim Matthes. Darmstadt, Neuwied: Luchterhand, 1978.
4. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
5. Гроф С. За пределами мозга. М.: Изд-во Трансперсонального института, 1993.
6. Weber S. Die Dualisierung des Erkennens: zu Konstruktivismus, Neurophilosophie und Medientheorie. Wien: Passagen-Verl., 1996.
7. Иного не дано / Под общей ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.
8. В человеческом измерении / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Прогресс, 1989.
9. Куда идет Россия? / Под ред. Т. И. Заславской. М.: Интерцентр, 1994.
10. Куда идет Россия? / Под ред. Т. И. Заславской. М.: Интерцентр, 1995.
11. Струве П. Б. Хозяйство и цена. В 2-х т. СПб., 1914–1916. Т. 1. Гл. 1.
12. Smart B. Postmodernity. London: Routledge, 1993.
13. Sociology after postmodernism / Ed. by D. Owen. London: Sage Publications, 1997.
14. Golosenko Igor. A. Die russische Soziologie an der Schwelle zum XXI. Jahrhundert — Errungenschaften und Defekte // Soziologische Revue. 19 Jg. 1996. Sonderheft 4.
15. Голосенко И. А., Скороходова А. С. Сочинения зарубежных социологов в русской печати середины XIX — начала XX веков. Библиографический указатель: СПб филиал Институт социологии РАН. СПб., 1997.